Сказанія иностранцевъ о Казани.

I. Prosper Thomas.—II. Томасъ.

Prosper Thomas, или, какъ онъ значится въ дѣлахъ университетскаго архива, Johannes Michaelis Thomas, а по-русски Иванъ Григорьевичъ Томасъ, родился въ 1770 или 1771 году въ Верхней Саксоніи, именно въ г. Кобургѣ. Одиннадцати лѣтъ онъ поступилъ въ тамошнюю гимназію и пробылъ въ ней съ 1782 по 1789 годъ; въ 1789 году онъ зачисленъ студентомъ университета въ г. Галле и въ слѣдующемъ году въ г. Іенѣ, гдѣ провелъ время съ 1790 по 1792 годъ; въ 1792 году получилъ степень кандидата богословія въ своемъ родномъ городѣ, Кобургѣ. Затѣмъ переселился въ г. Дерптъ, гдѣ съ 1800 по 1802 годъ состоялъ пасторомъ-діакономъ и конректоромъ. 19 декабря 1810 года получилъ званіе публичнаго ординарнаго профессора въ Казанскомъ университетѣ по каѳедрѣ всеобщей исторіи, географіи и статистики, а 29 ноября 1816 г. избранъ пасторомъ лютеранскаго общества, съ сохраненіемъ званія профессора. 14 іюня 1819 года по Высочайшему повелѣнію уволенъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ немъ нѣтъ; но можно думать, что онъ покинулъ Казань совсѣмъ въ 1842 г. и притомъ раньше пожара, случившагося 24 августа этого года. Изъ принадлежащей Томасу книги «Souvenirs de Russie» (Épinal, 1844) видно, что онъ былъ также преподавателемъ въ Московскомъ благородномъ институтѣ, но, въ какіе годы, изъ дѣлъ архива не видно [1]). Приведенныя здѣсь біографическія данныя большею частью сообщены мнѣ любезно А. И. Михайловскимъ, который уже нѣсколько лѣтъ усердно работаетъ въ архивѣ надъ составленіемъ обширнаго «словаря преподавателей, учившихся и служившихъ въ Казанскомъ университетѣ» (1804—1904); кромѣ того я пользовался и изданіемъ Н. П. Загоскина «Дѣятели Казанскаго университета» (1805—1900), гдѣ о Томасѣ говорится на страницахъ 52 и 53. Всѣ эти біографическія свѣдѣнія о Томасѣ я счелъ нужнымъ привести здѣсь для того, чтобы прежде, чѣмъ говорить о его книгѣ «Souvenirs de Russie», познакомить публику съ самимъ авторомъ, такъ

---

[1]) Что эта книга принадлежитъ именно профессору Казан. Универ. Томасу, а не какому-либо иному Томасу, видно изъ заглавнаго листа ея; можно думать, что онъ, прослуживъ въ Казани нѣкоторое время, уѣзжалъ во Францію, а не въ Германію, и что свою книгу онъ написалъ послѣ второго посѣщенія Казани, послѣ пріѣзда изъ Франціи.

какъ думаю, что большинство не знаетъ его. Печаталъ ли Томасъ что-либо въ Казани, Москвѣ или Дерптѣ, когда онъ въ этихъ городахъ служилъ, я не знаю: мнѣ извѣстна только одна его книга, заглавіе которой приведено выше: «Souvenirs de Russie», печатанная въ главномъ городѣ департамента Вогезъ Эпиналѣ, на р. Мозелѣ, и состоящая изъ 105 страницъ. Въ I главѣ онъ говоритъ про С.-Петербургъ (стр. 1—16), во II главѣ—о Москвѣ (стр. 17—45), въ III главѣ онъ описываетъ путешествіе изъ С.Петербурга въ Кіевъ (стр. 46—62), въ IV главѣ говоритъ о Кіевѣ (стр. 63—78), въ V главѣ описываетъ путешествіе изъ Москвы въ Казань (стр 79—96) и, наконецъ, въ VI главѣ говоритъ о Казани (97—105). Съ содержаніемъ послѣдней-то главы я и намѣренъ познакомить публику въ сегодняшнемъ засѣданіи.

«Казань по татарски знач. котёлъ. Происходитъ-ли это названіе отъ котла, утерянаго однимъ татарскимъ начальникомъ въ Казанкѣ, рѣчкѣ, омывающей стѣны города, или происходитъ отъ положенія центра города между высокими холмами, насъ мало касается. Что этотъ татарскій начальникъ былъ—Саинъ, царь большой орды, [1]) или ханъ Алтынъ-бекъ [2]), это [illegible] вопросъ, который надлежитъ разрѣшить мѣстнымъ ученымъ.—Чтобы убѣдиться въ татарскомъ происхожденіи Казани, достаточно подняться наверхъ великолѣпной обсерваторіи, построенной Императоромъ Николаемъ, рядомъ съ зданіями университета, на самый высокій пунктъ Казани. У вашихъ ногъ тянется нижняя часть города, населенная главнымъ образомъ русскими, купцами и рабочими; вы узнаете это (и) по церквамъ, надъ многочисленными куполами которыхъ возвышаются кресты. Но немного лѣвѣе, къ востоку, вы видите эти башенки, верхушки которыхъ оканчиваются галереей: отсюда именно муллы въ бѣлыхъ чалмахъ призываютъ вѣрующихъ на молитву. Выше мечетей двуглавый орелъ держитъ въ своихъ когтяхъ опрокинутый полумѣсяцъ, символъ русскаго господства. Затѣмъ, еще выше ихъ, надъ колокольней греческой церкви возвышается торжествующій крестъ, который, кажется, свидѣтельствуетъ о побѣдѣ, одержанной духомъ Христа надъ духомъ Магомета.—Волга протекаетъ приблизительно въ 7 километрахъ къ югу отъ Казани; но во время весенняго половодья, которое происходитъ около середины мая и продолжается почти 2 мѣсяца, все это пространство т. е. отъ Волги до города) покрывается водой. Волга и Казанка перемѣшиваютъ свои волны; (и) въ Казань нельзя болѣе въѣхать сухопутьемъ, какъ только съ восточной стороны чрезъ Сибирскія ворота. Суда, нагруженныя товарами, доходятъ до самыхъ стѣнъ крѣпости; селенія, основанныя на возвышенностяхъ, кажутся выходящими изъ нѣдръ волнъ: также я представляю себѣ Египетъ во время разлива Нила. Въ это время Казань уподобляется морской гавани: самая большая дѣятельность царитъ въ городѣ, болѣе чѣмъ

---

[1]) Основатель Золотой Орды Батый, сынъ Джучи.

[2]) Сынъ послѣдняго Болгарскаго хана Абдуллы.

ярмарка, это—настоящій праздникъ.—Самое красивое зданіе есть университетъ, огромное зданіе, содержащее въ себѣ библіотеку очень богатую, въ особенности восточными и китайскими рукописями, превосходная клиника заново построенная и прекрасная обсерваторія, снабженная нѣсколько лѣтъ тому назадъ рефракторомъ самаго большого размѣра.—Крѣпость, построенная изъ кирпичей, образуется оградой изъ высокихъ стѣнъ съ 13 по бокамъ башнями, изъ которыхъ 2 отличаются своей вышиной. Сюда именно и скрылись жители Казани, когда Пугачевъ завладѣлъ городомъ и разграбилъ его въ 1774 году. Этотъ разбойникъ, во главѣ шайки казаковъ и бродягъ, предалъ весь востокъ Россіи огню и мечу и заставилъ трепетать даже Москву. Только измѣна помогла покончить съ нимъ: онъ былъ взятъ и казненъ въ Москвѣ.—Этотъ кремль или крѣпость содержитъ въ себѣ каѳедральный соборъ Благовѣщенія, первое христіанское зданіе, воздвигнутое въ Казани. Онъ былъ построенъ сначала изъ дерева, позже изъ кирпичей, царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1552 году. Здѣсь же виднѣется также славная башня Сюмбеки, прилегающая къ древнему дворцу Казанскихъ хановъ.—Во время моего пребыванія въ этомъ городѣ, въ немъ насчитывалось 35.000 жителей, 41 церковь и 4 монастыря. Все это здѣсь свидѣтельствуетъ вамъ о сосѣдствѣ съ Азіей. Кромѣ того, что высшіе курсы восточныхъ языковъ преподаются въ университетѣ учеными персами въ національныхъ костюмахъ, начальнымъ основаніямъ этихъ языковъ обучаютъ молодежь въ спеціальномъ институтѣ. Правительство, чтобы завершить вполнѣ образованіе этихъ молодыхъ людей, отправляетъ ихъ, выдавая имъ средства, путешествовать по всему востоку въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и болѣе всего отличившихся между ними назначаетъ потомъ въ консульства и посольства. За 2 года до отъѣзда они носятъ восточный костюмъ, для того чтобы ничто въ нихъ, ни языкъ, ни привычка, ни манеры не мѣшали имъ брататься съ жителями страны.—По этимъ мелочнымъ предосторожностямъ можно судить легко о томъ, какъ хитеръ и дальнозоркъ духъ русской политики. Да не будетъ удивительно еще болѣе, если русская дипломатія окажется искуснѣйшею изъ всѣхъ дипломатій Европы.—На каждомъ шагу попадаются татары въ кожаныхъ чулкахъ (т. е. ичегахъ), съ висячими рукавами и съ бритой головой, исключая легкаго пучка волосъ, который они оставляютъ расти на макушкѣ. Ихъ глаза маленькіе, но черные и очень живые, и ихъ открытое чело указываютъ на смышленность. Они сильно превосходятъ русскихъ низшаго класса. Каждый изъ нихъ умѣетъ читать и писать по-арабски, а еще старательнѣе они изучаютъ ариѳметику, не изучать которую они считаютъ грѣхомъ. Самые богатые изъ нихъ посылаютъ своихъ дѣтей учиться въ большихъ школахъ Бухары. Женщины, исключая самыхъ бѣдныхъ, выходятъ только покрытыя. Ихъ костюмъ—тотъ же, что и у мужчинъ, только онъ лучше приспособленъ и изящнѣе вырисовываетъ формы. Голова и грудь у нихъ украшена ожерельями изъ монетъ, медалей, кораловъ, а иногда и изъ маленькихъ полыхъ внутри шариковъ, наполненныхъ

отмѣнныхъ ароматомъ.—Богатые и бѣдные всѣ отдаются торговлѣ или занимаются какою-либо промышленностью. Они—великолѣпные рабочіе во всякомъ родѣ. Ихъ кожи и мыла пользуются извѣстностью по всей Россіи. Слово татарина—священно, и они не употребляютъ ни контрактовъ, ни какихъ иныхъ писанныхъ договоровъ, исключая (дѣлъ) съ русскими, которыхъ они имѣютъ право остерегаться.—Женщины, какъ и на всемъ востокѣ, есть ихъ собственность. Купленная разъ, она болѣе себѣ не принадлежитъ. Сосѣдство съ русскими еще не отняло у татарскихъ нравовъ ихъ своеобразнаго отпечатка.—Я жилъ напротивъ тюремъ города. Нѣсколько дней тому назадъ я заталъ, возвращаясь къ себѣ, одну бѣдную татарку, которая, усѣвшись на нашъ порогъ, рыдала, глядя на ворота тюрьмы. Жалость побудила меня, спросить ее, что за причины ея горя.—«Увы! сударь, сказала она мнѣ плохо по-русски, мой мужъ находится въ тюрьмѣ.—Что же онъ совершилъ?—Охъ! сударь, почти ничего, онъ повѣсилъ одну изъ своихъ женъ, которая побила меня изъ-за ревности.—Но, говорю я ей, повѣсить женщину—это большое преступленіе.—Какъ, большое преступленіе! однако это была его собственная жена, и веревки, чтобы вѣсить ее, онъ не ворovалъ»... Моя мысль переносилась тогда къ нравственнымъ правиламъ, которыя проповѣдывались во Франціи нѣкоторыми синими чулками (т. е. женщинами, любившими сухія научныя и литературныя занятія) на предметъ эмансипаціи женщинъ; мнѣ хотѣлось-бы такъ сблизить эти 2 крайности.—Высшее общество состоитъ какъ и въ большихъ городахъ Россіи. Я сдѣлалъ одно наблюденіе, которое по правдѣ не было новымъ для меня, но которое подтвердилось въ Казани. Почти всѣ господа знаютъ Россію съ одного конца до другого. Каждый изъ нихъ говорилъ мнѣ о Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, какъ будто-бы онъ жилъ въ этихъ городахъ и какъ будто-бы находился въ сношеніяхъ съ кѣмъ-либо изъ моихъ знакомыхъ. Въ дѣйствительности русскіе еще полу-номады. Для нихъ нѣтъ ничего болѣе обыкновеннаго, какъ путешествія. Они ѣздятъ видѣться другъ съ другомъ за 200 или 300 миль разстоянія, и это даже не смотря на плохое состояніе ихъ дорогъ. Что-же бы было, если-бы у нихъ были такія-же легкія пути сообщенія, какъ и у насъ, для переѣзда изъ одного мѣста въ другое?—Масляница въ Казани—время веселій. Что даетъ ей оригинальный видъ, это—прибытіе 5—6000 татаръ, являющихся сюда съ маленькими санями, въ которыя запряжены 2 лошади. За 2 или 3 су (коп 4—6) они провозятъ васъ галопомъ вокругъ города, удовольствіе, которое каждый житель, даже самый бѣдный, не преминетъ доставить себѣ.—Я встрѣтилъ въ Казани 3 молодыхъ поляковъ, съ которыми я былъ знакомъ въ Кіевѣ. Никто не повѣритъ, сколько они изъявляли мнѣ дружбы; они были такъ счастливы, что опять встрѣтили человѣка, котораго видали у себя на родинѣ и при которомъ они безбоязненно могли высказывать свои сѣтованія и свои упованія. Приговоренные къ окончанію курса ученія въ Казани, они должны были прослужить впослѣдствіи 10 лѣтъ въ Россіи, не имѣя даже права посѣтить своихъ родителей. Будучи болѣе сми-

шленны и болѣе трудолюбивы, чѣмъ русскіе. они превосходили ихъ въ наукахъ, и попечитель Мусинъ-Пушкинъ особенно любилъ ихъ. Они полюбили-бы въ послѣдствіи Казань, если-бы климатъ не былъ такой суровый и такой пагубный, а особенно, если-бы они могли исторгнуть изъ своего сердца воспоминаніе о родинѣ, такое чувство, которое растетъ благодаря отдаленности и годамъ.—Положеніе Казани, на самомъ возвышенномъ пунктѣ изъ всей обширной равнины, начинающейся у Ледовитаго моря, дѣлаетъ климатъ ея болѣе холоднымъ, чѣмъ климатъ Москвы, хотя подъ той-же широтой. Въ ней все время господствуетъ сильный вѣтеръ. Термометръ временами показываетъ—40°. Тогда присутственныя мѣста закрываютъ свои канцеляріи, а университетъ свои лекціи; каждый остается дома, ибо выходить въ подобные морозы стоитъ жизни. Лѣто здѣсь знойное, и съ мая мѣсяца милліоны мошекъ и комаровъ, порождаемыхъ болотами вышедшей изъ береговъ Волги, залетаютъ, чтобы покусать васъ, даже внутрь домовъ.—Каждую весну мѣстныя лихорадки укладываютъ въ постель четвертую часть населенія. Замѣчательный фактъ и, какъ увѣряли меня самые свѣдующіе Казанскіе врачи, именно съ окончаніемъ холеры въ 1831 году. эти лихорадки почти совершенно исчезли, только холерное начало было во всѣхъ тяжкихъ болѣзняхъ. Такое дѣйствіе прекратилось въ 1842 году, годъ моего пребыванія, и лихорадки снова принялись съ большею силою. Въ 6 недѣль изъ гарнизона въ 4000 человѣкъ умерло 1345. По крайней мѣрѣ треть жителей лежала въ постели. Я самъ былъ поражаемъ лихорадкой 2 раза: тогда обуялъ меня страхъ и я рѣшилъ вернуться во Францію сейчасъ-же, какъ только состояніе дорогъ позволитъ мнѣ это и разливь не будетъ настолько значителенъ, чтобы закрыть сообщенія.—Въ тотъ день, когда я отправился взять свой паспортъ у генералъ-губернатора, по секрету отъ одного секретаря я узналъ, что на моей дорогѣ по деревнямъ происходятъ смуты. Возмутились чуваши и черемисы: побуждаемые крайней нищетой, слѣдствіемъ 2 плохихъ годовъ, они вооружились палками и косами и разграбили казенные хлѣбные магазины въ уѣздахъ Казанскомъ и Чебоксарскомъ; бунтъ угрожалъ растянуться дальше Генералъ-губернаторъ послалъ уже своихъ адъютантовъ, чтобы подѣйствовать на нихъ кротостью мѣръ, но напрасно. Кажется, правительство, чтобы предупредить частые неурожаи, разворяющіе эти народности, хотѣло принудить ихъ обрабатывать вообще пустопорожнія мѣста, для того чтобы сборъ складывать въ магазины и сохранять его на плохіе годы. Но, мало полагаясь на добрыя увѣренія чиновниковъ, которые съ помощью хитрости овладѣвали жатвой, они отказались (отъ дальнѣйшаго повиновенія). Засимъ слѣдовали наказанія, которыя раздражали ихъ и довели до бунта. Въ тотъ-же день велѣно Казанскому полицеймейстеру отправиться съ 2 ротами пѣхоты, чтобы образумить (бунтовщиковъ).—Не смотря на эти происшествія, я отправился въ путь съ г. Симоновымъ, профессоромъ астрономіи, который ѣхалъ въ С.-Петербургъ. Мы видѣли нѣсколько деревень почти пустыхъ, но впрочемъ страна была спокойна. Бунтъ дѣйствительно былъ уже потушенъ. Вотъ какъ тутъ дѣйствовалъ Казанскій полицеймейстеръ, обрусѣвшій нѣмецъ,

котораго мы встрѣтили въ маленькой деревнѣ, гдѣ онъ устроилъ свою квартиру. Предоставлю говорить ему самому, и буду довольствоваться переводомъ его словъ.—«Со своимъ прибытіемъ я объявилъ имъ приказаніе, что меня послали, чтобы они открыли мнѣ свои неудовольствія и самыхъ главныхъ между ними зачинщиковъ. Вмѣсто этого они пришли всѣ вмѣстѣ, въ числѣ болѣе 6000 человѣкъ, поднявшихъ свои палки и голосившихъ подобно дикимъ звѣрямъ, прося хлѣба. Я велѣлъ тогда построиться моему маленькому отряду и взяться за оружіе. Сейчасъ-же обуялъ страхъ несчастныхъ чертей, которые бросились бѣжать со всѣхъ ногъ. Я повторилъ первоначальныя свои приказанія, требуя одного человѣка изъ десяти. Послѣ 2 дней совѣщанія ко мнѣ явилось нѣсколько сотенъ. Выстроивъ ихъ въ одну линію, я сталъ подзывать ихъ къ себѣ одного за другимъ, и велѣлъ войти имъ въ одинъ сарай, гдѣ 2 здоровыхъ солдата приложили къ нимъ отеческое исправленіе 40 ударами палокъ. Послѣ такого забористаго начала я нашелъ ихъ очень хорошо приготовленными къ дальнѣйшей части моей бесѣды и велѣлъ выйти имъ съ другой стороны дома. Прошли тамъ всѣ до послѣдняго и всѣ поклялись мнѣ успокоить своихъ товарищей, что они не преминули сдѣлать, ибо я сейчасъ-же узналъ, что они начинаютъ возвращаться въ свои деревни».— Капитанъ П... примѣшивалъ къ всему этому повѣствованію взрывы хохота и шутки надъ выше упомянутыми несчастными; онъ сильно гордился, что такъ счастливо выполнилъ свою миссію.—Въ тотъ-же моментъ приходятъ и объявляютъ ему, что мятежники Цивильскаго уѣзда только—что разграбили нѣсколько магазиновъ, и онъ приготовился снова начать ту-же экспедицію. Я не сомнѣваюсь, что онъ успѣлъ въ ней.—Однако 2 мѣсяца спустя, когда я вернулся во Францію, журналы сообщили мнѣ, что Казань только-что сдѣлалась добычею пламени, что огонь занялся тамъ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ и что приписываютъ этотъ пожаръ поджогу. Какъ-было не припомнить мнѣ тогда то, что я видѣлъ въ странѣ (Россійской) нѣсколько времени тому назадъ, и не принять во вниманіе этого обстоятельства, какъ результата отеческихъ мѣръ, принятыхъ капитаномъ П... Уже, въ 1834 году, сгорѣвшая Тула и частые и ужасные пожары въ деревняхъ и городахъ центра (Россіи) развѣ не были протестомъ противъ гоненій, чинившихся на поляковъ и евреевъ, насильно удаленныхъ отъ ихъ родины?...»

Заканчивая свою книгу, Томасъ восклицаетъ: «Такова Россійская имперія, этотъ колоссъ, который волосы свои промываетъ въ хладныхъ водахъ полюса, ноги купаетъ въ Черномъ морѣ, а руки простираетъ разомъ къ Европѣ, Азіи и Америкѣ. Безъ сомнѣнія она, эта имперія, неизмѣрима, и громада ея ужасаетъ воображеніе; но пусть испытаютъ сердце (этого колосса) и пусть скальпель приподниметъ эту оболочку могущества и силы, и тогда найдутъ, что сердце испо́ртилось, что кровь плохо циркулируетъ по жиламъ, что червь бюрократіи снѣдаетъ его и что кровоточащія раны, напр. Польша, этотъ алчный ястребъ мести, изнуряютъ его бока и еще не разъ принудятъ испускать крики скорби и грусти!...

II. A. Legrelle.—А. Легрель.

Докторъ словесности А. Легрель (A. Legrelle) напечаталъ свои воспоминанія о Россіи, въ книгѣ озаглавленной: «Le Volga». (Paris, 1877), и размѣстилъ ихъ въ главахъ, которыя названы такъ: 1., Волга у Твери [стр. 1—31]; 2., Москва лѣтомъ [стр. 32—88]; 3., Нижегородская ярмарка [стр. 89—137]; 4., Казань и ея университетъ [стр. 138—209]; 5., На борту парохода «Миклашевскій» [стр. 210—272] и 6., Саратовъ и Нижняя Волга [стр. 273—348]. Книга посвящена нѣкоему Эдуарду Эрвé (Hervé), который любилъ публиковать въ своихъ журналахъ разныя путешествія. Изъ этого посвященія, подписаннаго авторомъ 25 января 1877 года въ г. Версалѣ, видно, что авторъ путешествовалъ по Россіи три раза и что въ настоящей книгѣ описывается путешествіе третье, совершенное въ 1876 году. Четвертая глава, озаглавленная Kazane et son université, распадается по содержанію на 2 части, изъ которыхъ въ первой [стр. 138—174] говорится собственно не о Казани, а о другихъ вещахъ; напр. о началѣ пароходства въ Россіи, въ 1815 году, о разныхъ плавающихъ по Волгѣ судахъ: ладьяхъ, расшивахъ, бѣлянахъ, мокшанахъ и др., о пароходныхъ компаніяхъ: Общество по Волгѣ, Самолетъ, Кавказъ и Меркурій, Дружина, Волжско-Камское пароходство, о пути отъ Нижняго до Казани, о бабахъ и дѣвкахъ, таскающихъ на пароходъ дрова, о раскольникахъ въ Керженскихъ лѣсахъ, о встрѣчѣ и бесѣдѣ съ однимъ мировымъ судьей, учившимся въ Парижѣ, о русскихъ священникахъ и расположеніи ихъ къ стерлядямъ и выпивкамъ, объ отношеніи европейцевъ къ инородцамъ, о народномъ самоуправленіи и пр. На стр. 174—209 Легрель подробно говоритъ о достопримѣчательностяхъ Казани, объ университетѣ, о татарской части города, о ссыльныхъ и пр. На пристани у Волги поразило путешественника обиліе дрожекъ и ломовыхъ каретъ, извощиковъ и носильщиковъ. Носильщики (facchini) татары на головахъ своихъ имѣли бѣлыя съ загнутыми на верхъ полями остроконечныя шляпы, подобныя головному убору средневѣковыхъ крестьянъ. Отъ берега Волги до самаго города лежитъ рельсовый путь. При приближеніи къ городу путешественнику бросились прежде всего въ глаза колокольни и башни кремля. Въ 1862 году, кромѣ католической часовни и протестантскаго храма, въ Казани было, какъ сообщаетъ нашъ авторъ, 42 русскія церкви, болѣе 6 монастырей и 9 мечетей. Касаясь вкратцѣ исторіи Казани, онъ говоритъ, что этотъ городъ со времени монгольскаго нашествія былъ столицей и крѣпостью потомковъ Чингизъ-хана и Батыя. Прежде городъ стоялъ, приблизительно въ 45 верстахъ отъ нынѣшняго мѣста, вверхъ по Казанкѣ и также назывался «Казанъ» (Kazane), что знач. «котелъ», такъ какъ лежалъ въ котловинѣ. По словамъ Карамзина, селъ и деревень съ такимъ именемъ и до—нынѣ встрѣчается нѣсколько около Трапезунта (Trébisonde). Далѣе говорится, что съ паденіемъ Болгаръ, ихъ замѣнила, какъ главный мусульманскій центръ, Казань. Въ Казани царствовало около 20 хановъ, вплоть до Ивана Грознаго (Ivan le Terrible), которому Россія изъ патріотизма простила всѣ его жестокости

такъ какъ онъ былъ первымъ основателемъ національнаго могущества. Потомъ говорится объ осадѣ и взятіи Казани въ 1552 году и о взятіи Астрахани «въ 1556-мъ». Главная улица города называется «Воскресенская» (rue du Dimanche); она во всю длину расположена по гребню маленькихъ песчаныхъ холмовъ надъ двумя покатостями. Въ кремлѣ, говоритъ путешественникъ, есть кромѣ присутственныхъ мѣстъ нѣсколько церквей и монастырей, домъ архіепископа, «кадетское училище» и дворецъ новѣйшей постройки. Касаясь дѣвичьяго монастыря, авторъ говоритъ о нахожденіи въ 1579 году чудотворной иконы и о чудесахъ ея. Потомъ онъ поверхностно перечисляетъ: церковь Петра и Павла, украшенную по-итальянски живописью, въ настоящее время почти стёртою, другія церкви, гостинный дворъ, улицы, магазины, парикмахерскія, изъ коихъ есть и парижскія, китайскій ресторанъ, сады, скверы, памятники Державину и убіеннымъ воинамъ, дачи, газовое освѣщеніе улицъ; касается извощиковъ и городовыхъ и пр. Упоминая о дорогѣ въ Сибирь, онъ добавляетъ, что по ней въ 1874 году прошло 12488 «несчастныхъ» (malheureux). Въ Адмиралтейской слободѣ, построенной на берегу Казанки Петромъ I, находится галера «Тверь», въ которой 1767 года путешествовала по Волгѣ Екатерина. Далѣе описываются татарскіе и русскіе наряды, мечети съ минаретами, муллы и муэззины. Когда муэззинъ съ высоты своего круглаго балкона призываетъ на молитву правовѣрныхъ, эти спокойной и невозмутимой походкой направляются изъ своихъ домовъ въ мечеть. Въ первомъ залѣ, въ особомъ углу, въ кучѣ, поставлены кожаныя вышитыя калоши, надѣваемыя обыкновенно поверхъ сапогъ, не имѣющихъ каблуковъ. Алтарь былъ покрытъ, казалось, цыновками. Подальше въ одной нишѣ, которую съ, восточной стороны освѣщало окно, снабженное стеклами трехъ цвѣтовъ стоялъ на ногахъ въ чалмѣ и «шелковой» одеждѣ священникъ, и каждый разъ, какъ онъ произносилъ священное имя «Аллахъ», слушатели, выстроившіеся въ два ряда, прямые, какъ взводъ солдатъ во время экзерциціи, точно по дѣйствію волшебной пружины то становятся на колѣна, то падаютъ на землю, какъ-бы обнимая ее, и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ остаются, уткнувшись въ землю, въ горизонтальномъ положеніи поверхностями спинъ. Далѣе путешественникъ переходитъ къ обозрѣнію нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ болѣе всего останавливается на университетѣ, осмотрѣнномъ имъ и снаружи, и извнутри. Первыя стремленія русскихъ со времени Ивана Грознаго были расположить татаръ къ русскимъ и русской религіи; однимъ изъ средствъ для этого было поить татаръ и русскихъ квасомъ и медомъ, а вторымъ средствомъ-миссіонерство. Основаніе свѣтскихъ школъ для просвѣщенія народа относится уже ко временамъ болѣе новымъ; такъ Петръ I велѣлъ устроить школы ариѳметики, чтенія и вѣроученія. Въ 1733 году, съ цѣлью усиленія преподавательскаго персонала, кіевскимъ профессорамъ приказано переѣхать въ Казань. Въ концѣ XVIII вѣка Павелъ I преобразовалъ духовную семинарію въ «академію» (académie ecclésiastique). Въ 1758 году первая гимназія наименована Императорской, и предназначена она для обученія дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Въ 1804 году изъ гим-

назіи, какъ бабочка изъ куколки, выдѣлился университетъ. Цѣлью Александра I и его министровъ при учрежденіи этого университета было въ особенности создать въ немъ могущественный очагъ для занятія филологіей—языками западными и восточными, теоретически и практически, съ цѣлью привлеченія къ государству Русскому разрозненныхъ народностей и кочевниковъ цѣлой Азіи; на остальныя науки въ университетѣ первоначально не обращалось вниманія, такъ напр. до 1810 года онъ не имѣлъ даже клиники. Затѣмъ авторъ вскользь упоминаетъ о первыхъ по времени попечителяхъ Казанскаго учебнаго округа: Румовскомъ, Салтыковѣ и Магницкомъ, о тогдашнихъ университетскихъ «Извѣстіяхъ» и объ Обществѣ любителей отечественной словесности. Въ 1836 году Николай I, посѣтивъ I гимназію, велѣлъ продолжать тамъ обученіе татарскому языку; русскому-же языку учениковъ медресъ стали обучать только съ 1876 года, когда городская дума постановила выдавать на этотъ предметъ ежегодно по 500 рублей. Въ 1841 году университетъ, благодаря Николаю I, обладалъ уже обсерваторіей, библіотекой, анатомическимъ амфитеатромъ, физическимъ кабинетомъ, химической лабораторіей и пр. Въ университетѣ удивилъ нашего автора длинный, параллельно улицѣ, корридоръ, абсолютно темный, если не освѣщался постоянно газомъ; черезъ этотъ корридоръ приходилось идти въ верхній этажъ Въ первомъ этажѣ автора поразила крайняя чистота и то, что ни на столахъ не было вырѣзокъ, ни на стѣнахъ не было надписей, такъ какъ все было лишь недавно выкрашено и хорошо сохранялось. Въ зоологическомъ музеѣ нашего путешественника встрѣтилъ сторожъ, у котораго на головѣ была самая богатая татарская ермолка изъ бархата, вышитая золотомъ. Далѣе онъ осматривалъ коллекціи естественно-историческія, изъ коихъ удивила его болѣе всего коллекція Волжскихъ рыбъ, но рѣдкостей въ Румянцовскомъ музеѣ оказалось гораздо больше, чѣмъ здѣсь. Потомъ онъ говоритъ о библіотекѣ: въ ней болѣе 80.000 томовъ, не считая массы рукописей; изъ послѣднихъ нашъ авторъ упоминаетъ ариѳметику на французъ. языкѣ, написанную Суворовымъ, и автографы Державина; часть книжныхъ богатствъ, говоритъ онъ, перешла 1854 года въ С.-Петербургъ вмѣстѣ съ восточнымъ факультетомъ. Наконецъ, онъ говоритъ о средствахъ и числѣ студентовъ и преподавателей: 1 апр. 1873 года насчитывалось не менѣе 59 профессоровъ, при чемъ 48 каѳедръ пустовали, студентовъ было 531, изъ которыхъ на историко-филологическомъ—61. Содержаніе всѣхъ 8 университетовъ стоило казнѣ въ 1874 году около 2.340.000 рублей.—Изъ Казани А. Легрель отправился на пароходѣ внизъ по Волгѣ.

Н. Катановъ.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества *Н. Горталовъ.*

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета 1903 г.